

— Ну, можно сказать, что да, — уклончиво ответил Шан Чжэ. — Раньше виделись пару раз, но не близко.

Тань Цзе был мастером читать между строк, и у него возникли вопросы, но, видя, что Шан Чжэ явно уходит от темы, он не стал настаивать и сменил разговор:

— А Цяця где?

— Играет с машинкой, хочешь с ним поговорить?

— Нет, он увидит меня и снова назовет дядей-дедушкой, а кто-то опять взбесится.

— Потому что кто-то бесстыжий, — Шан Чжэ скривился.

— Только что переехали, ребенок может быть не в своей тарелке, Цяця в порядке?

— Все хорошо, ест, спит, с детства легко приспосабливается, только что не дал ему печенье, немного покапризничал.

— Почему не дал?

— В печенье был арахис, у него аллергия.

— Надо быть осторожным.

— Да, в семье ни у кого такого не было, не знаю, от кого он это унаследовал.

Они поболтали еще минут десять. Тань Цзе хотел спросить, не нужно ли ему вмешаться и приглушить слухи, но, видя, что сам Шан Чжэ не придает этому значения, решил не усложнять.

Шан Чжэ услышал стук в дверь на другом конце, вероятно, к Тань Цзе зашел помощник, и закончил разговор, отпустив его работать.

Сам он сейчас был свободен как птица, но другим было не до отдыха.

Собрав скорлупки от семечек, Шан Чжэ от скуки решил поиграть с Цяця.

Он зашел в комнату и ногой заблокировал машинку, которая катилась по полу. Цяця поднял на него глаза, а Шан Чжэ, изображая монстра, зловеще сказал:

— Цяця, беги, папа-монстр идет!

Цяця засмеялся и, перебирая короткими ножками, спрятался за штору, оставив один глаз выглядывать, думая, что он невидим.

Шан Чжэ сделал вид, что не замечает его:

— Эй? Где Цяця? Куда он пропал?

В это же время.

Секретарь Чжэн Цзяня, Фан Линь, с раздражением тыкала в экран телефона:

— Эти люди просто ужасны, какое им дело до моих век? На фото видно только пол-лица, а они

уже обсуждают!

Был обеденный перерыв, и в чайной комнате на верхнем этаже здания компании «Чицзэ» несколько сотрудниц обсуждали последние сплетни.

На экране телефона Фан Линь была открыта страница фан-клуба Шан Чжэ, где обсуждение давно ушло в сторону, и несколько десятков сообщений были посвящены тому, где лучше делать пластические операции. Тема началась с обсуждения век Фан Линь.

Бухгалтер Сяо У сделала глоток кофе:

— Ладно, хватит переживать из-за своих век, расскажи, что вчера произошло, как ты встретила Шан Чжэ?

Фан Линь ответила:

— Вчера в отеле «Дунду» я спешила отдать Чжэн Цзяню исправленную тендерную документацию, и столкнулась с маленьким мальчиком. Бумаги упали на пол, и ребенок случайно порвал одну страницу. Я была в панике и даже не заметила, кто был с ребенком, но потом подошел Чжэн Цзянь, и я поняла, что это Шан Чжэ.

Помощница вице-президента добавила:

— Тендерная документация на землю в Цзянвань? Мы же успели до окончания срока подачи, ничего не нарушили, но, кажется, Чжэн Цзянь был не в духе. Может, он поссорился с Шан Чжэ из-за этого?

— Нет, они оба были спокойны, Шан Чжэ даже извинился за сына, да и Чжэн Цзянь не стал бы ссориться из-за ребенка. Но вчера он действительно был не в настроении, возможно, это было что-то другое. Эх, не пытайся угадать, что у него на уме, я работаю с ним три года и до сих пор не понимаю.

— Подожди, этот ребенок действительно его? — с удивлением спросила Сяо Чжао из отдела кадров.

— Наверное, Чжэн Цзянь что-то спросил, и он кивнул, да и ребенок похож на него.

— Ааа! Не может быть! Мое сердце разбито! Почему мой кумир еще не женился на мне, а уже имеет ребенка? Неужели мне теперь быть мачехой?

— Сяо Чжао, это вообще не имеет к тебе никакого отношения...

— Почему ты не сфотографировалась с ним? Я бы хоть фото получила, я его фанатка.

— Я была в шоке, мне было не до фото! К счастью, Чжэн Цзянь тогда сосредоточился на ребенке и не стал меня ругать, так что...

Здесь Фан Линь загадочно улыбнулась и ткнула в телефон:

— Я вам скажу, я все-таки тайком сделала фото, оно намного четче, чем то, что выложили в сети.

— Правда? Почему не сказала раньше, покажи!

Все столпились вокруг ее телефона, на фото были трое: Шан Чжэ держал на руках пухленького мальчика, на его лице было легкое удивление, ребенок держал в руках клочок бумаги, его большие глаза робко смотрели на Чжэн Цзяня, а сам Чжэн Цзянь с невозмутимым лицом смотрел на Шан Чжэ и ребенка, и, действительно, никаких эмоций не было видно.

Фан Линь прокомментировала фото:

— Кажется, Чжэн Цзянь и Шан Чжэ знакомы, он даже как-то посмотрел на ребенка, в общем, тогда мне показалось это милым, и я незаметно сфотографировала. Эх, когда у Чжэн Цзяня появится ребенок, может, он станет мягче, и мы будем меньше задерживаться на работе.

— Хочешь, я дам тебе шанс сменить начальника на более мягкого?

Шум.

Как только объект обсуждения появился, все участницы разговора разбежались, бросив на Фан Линь сочувствующие взгляды.

Фан Линь сжалась, не решаясь поднять глаза на своего начальника.

— Иди в мой кабинет.

Бросив эту фразу, Чжэн Цзянь вышел из чайной комнаты.

Фан Линь с печальным лицом последовала за ним, мысленно подсчитывая, сколько она получит по страхованию от безработицы.

К счастью, ее опасения не оправдались, видимо, начальник все же ценил свою старательную и преданную сотрудницу.

Чжэн Цзянь сказал:

— Отправь мне это фото и удали его со своего телефона навсегда.

— Хорошо, — Фан Линь не медлила ни секунды и сразу же выполнила приказ.

Телефон издал звук, Чжэн Цзянь получил фото и наблюдал, как Фан Линь дрожащими руками удаляет его.

— На этом все, ты мой секретарь, а не папарацци, занимайся своими обязанностями.

— По-понимаю.

— Выходи.

Фан Линь, вся в поту, вышла из кабинета начальника, ноги подкашивались, и она едва стояла на каблуках.

На самом деле, ничего серьезного не произошло, просто атмосфера, исходившая от Чжэн Цзяня, была пугающей. Фан Линь долго приходила в себя после этого разговора, а затем вдруг осознала одну вещь —

Если все закончилось, зачем Чжэн Цзянь сам оставил это фото?

Чжэн Цзяньнь открыл ящик стола и достал виниловую пластинку.

На пластинке не было никаких надписей, внутри была только одна демозапись.

Два года назад, получив эту пластинку, он был удивлен. Тот человек специально прислал ее из Америки, чтобы он стал первым, кто услышит эту песню в Китае. Чжэн Цзяньнь с сложными чувствами слушал ее на повторе много раз.

Песня называлась «Взаимная вежливость», позже она была немного изменена и переработана, и захватила первые места в чартах китайской музыки. Это был сингл, который Шан Чжэ выпустил во время учебы в Америке.

Многие музыкальные критики высоко оценили песню, сказав, что Шан Чжэ выразил в ней новое понимание жизни.

Но только он понимал, что от начала до конца эта песня была насмешкой над ним.

Полная дерзости и презрения.

Чжэн Цзяньнь взглянул на фото в телефоне и усмехнулся.

Похоже, тот человек за границей многому научился, нашел время написать песню, чтобы подразнить его, и даже завел ребенка.

Смелость его все растет.

Шан Чжэ провел два дня дома, почти не выходя на улицу и не заказывая еду.

Кухонные запасы, которые он купил ранее, заполнили холодильник, и он готовил разные блюда. Прожив три года в Америке, он благодаря двоюродной сестре научился готовить, и хотя его кулинарные навыки не были выдающимися, их хватало, чтобы накормить себя и Цяця.

Когда пришел Чжоу Кан, Шан Чжэ как раз готовил говяжий суп. Открыв дверь, он встретил Чжоу Кана запахом простой еды и своим фартуком с изображением медвежонка, что шокировало гостя.

Чжоу Кан взглянул на него, развернулся и пошел обратно:

— Извини, я ошибся дверью.

Шан Чжэ рассмеялся:

— Неужели все так плохо?

Чжоу Кан вернулся:

— Мне нужно пересмотреть твоё возвращение в шоу-бизнес. Посмотри на себя, — он ткнул пальцем в Шан Чжэ и с отвращением скривился, — тьфу, никакого вида.